

Кафка больше чем жизнь

русский телеграф, 1998,
- 20 янв. Визит - с. 10
экс-авангардиста

Тридцатидвухлетний режиссер Петер Лебл, один из лидеров восточноевропейского экс-авангардного театра, на днях приезжал из Праги в Москву с коротким деловым визитом. Он должен был осмотреть сцену МХАТа в Камергерском переулке и понять, как на ней разместится спектакль "Иванов" — с ним пражский театр "Дивadlo На забрадли" появится весной на третьем Фестивале имени Чехова. Два года назад он уже привозил на чеховский фестиваль свою "Чайку", вызвавшую разноречивые (преимущественно скептические) отзывы. Видимо, ни фестивальных экспертов, ни самого Лебла прохладный прием не смутил, и это весьма обнадеживает.

Чешское посольство и Немецкий культурный центр им. Гете спланировали к приезду Петера Лебла довольно любопытную, хотя в основных чертах предсказуемую акцию. Зная длину двух сторон треугольника и угол между ними, мы без труда выстраиваем третью; зная, что речь пойдет о Праге и о немецком языке, нетрудно догадаться, что темой вечера окажется Франц Кафка. Я, признаться, предпочел бы менее популярного писателя-мистика Густава Мейринка — вот уж кому открывался пражский "гений места!", — но вечер был все-таки посвящен не Праге, а ее театральному кумиру.

Во второй половине 80-х, в свой неконформистский период, Петер Лебл дважды ставил Кафку ("Превращение", "Певница Жозефина и мышиный народ"), а в 1991-м сыграл главную роль в фильме "Тема: Франц Кафка" — полудокументальном, полухудожественном.

Писатель, принимающий обличья своих героев и в таком виде выгуливающий зрителя то по улицам города, то по собственной биографии: из этого отправного пункта дорога лежит только в тупик. Разумеется, городской пейзаж, изукрашенный фи-

гурами Иозефа К., Грегора Замзы, Голодаря, многое выигрывает, зато от литературы остаются лишь клочья — бессмысленные для тех, кто не читал Кафку, и вызывающие спазм у тех, кто его читал. Как бы ни старался изобретательный оператор, как бы ни был импозантен молодой Лебл, тема "Франц Кафка" решается в тех самых традициях, которые справедливо высмеял Набоков: "Знаешь эти идиотские "биографии романсэ", где Байрону преспойно подсовывается сон, извлеченный из его же поэмы?" ("Дар", глава 3). И с этим ничего не поделаешь.

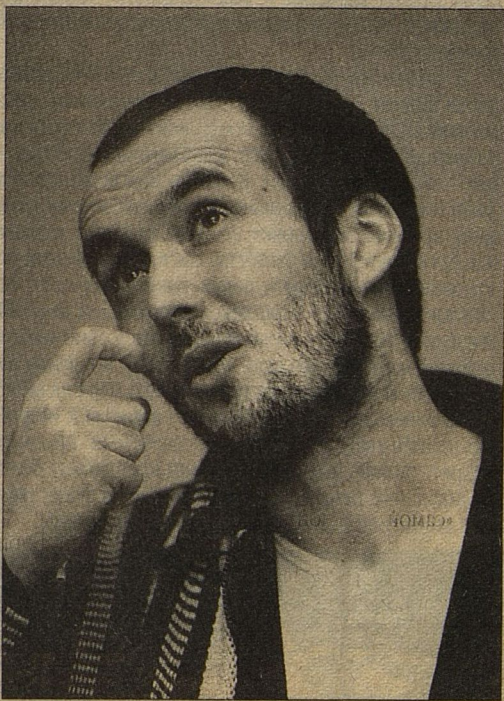
Впрочем, можно возразить, что в случае Кафки тема "писатель и его жизнь" действительно требует тривиальнейшего романтического подхода, что диффузия литературы и реальности здесь налично. Увы нам, это так, и в старой советской шутке "Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью" смысла куда больше, чем обычно бывает в каламбурах. К прозе Кафки до сих пор трудно относиться как к "только прозе" — надеясь на свой приватный "plaisir du texte".

Однако, слово "трудно" в переводе на любой из художественных языков, как правило, и означает "нужно". В конце 80-х Петер Лебл мог радостно и язвительно дивиться тому, что мышиная возня в "Певнице Жозефине..." напоминает митинги чешских коммунистов (фрагменты видеозаписи произвели довольно унылое впечатление, поэтому говорить о качестве спектакля было бы опрометчиво). Но уже в это время перед зрелым кафкианским читателем встала новая задача: изгнать всякую "кафку" из своей личной жизни и, по возможности, из наблюдаемой. Не из общественной, где ей всегда было и всегда найдется место, а именно из личной — вон туда ее, на бумагу. В конце концов, мы можем полагать, что и сам он писал именно для этого — почему и попросил Макса Брода все неопубликованное сжечь: так после смерти больного выбрасывают недопитые лекарства.

Многофигурный перформанс "Сны Кафки", состоявшийся во втором отделении вечера, продемонстрировал, что видеть в Кафке исключительно явление искусства — дело возможное и занимательное. Зрелище было хаотичным и не очень уклужим: прежде всего из-за тесноты (сцена 7-го зала Музея кино пришлось бы в пору только болюшному цирку). Тем не менее музыкальные импровизации Сергея Летова и Александра "Фагота" Александрова, корифеев нашего свободного джаза, удались вполне, танцовщицы из "группы 099" (это коллективный сценический псевдоним, раскрытию не подлежащий) друг друга не толкали, оваллоид Вячеслава Колейчука звучал так, как может звучать только оваллоид — и самое главное, что в ассоциациях на темы Кафки можно было почувствовать и усмотреть все что угодно, кроме ужаса перед жизнью. Шел нормальный разговор компании артистов с Великим артистом, при чем здесь ужас?

В конце концов этот способ разговора — единственный способ объяснить самому Кафке его главную ошибку: не художественную, разумеется (их он не делал), а всего лишь логическую. Пока люди умеют писать гениальные романы, у нас нет оснований считать жизнь царством невнятицы, бессмыслицы и безнадежности. Даже если эти люди всю свою жизнь писали только о том, что жизнь невнятна, бессмысленна и безнадежна. Впрочем, поди-ка им объясни.

АЛЕКСАНДР СОКОЛЯНСКИЙ

ОЛЬГА ЧУМАЧЕНКО

Петер Лебл